

Актеры и направления публичной политики

Само понятие публичной политики, которой посвящен этот номер, не стало пока однозначным в российском научном дискурсе. Еще недавно термин «public policy» предлагалось переводить как общественная, открытая или даже социальная политика, с одной стороны. С другой стороны, многие из российских профессоров, читающих курс по «Государственному и муниципальному управлению», уверены, что наиболее близким к нему предметом в европейских и американских университетах является курс «Public administration». На наш взгляд, проблема состоит в том, что в странах с традициями римского права (Западная Европа, англоговорящие страны и некоторые другие) основной дихотомией стало разделение права на публичное и частное, когда в сферу публичного стали относить и общественное, и муниципальное и (далее) государственное, то есть все, что не относилось к частному (private). В нашей же стране, начиная с Московской Руси, под влиянием и Византии, и Золотой Орды, основной стала иная дихотомия – государство (затем – государственное) и все остальное – личное, общественное.

Сегодня же мы переживаем сложный процесс преобразования государственной политики в политику публичную, который, подчеркнем, происходит не сам по себе, а в результате упорной, часто неблагодарной, а иногда и просто опасной деятельности ее конкретных акторов, деятельность части из которых представлена в настоящем номере. Можно отметить также, что современное понимание публичной политики (как public policy) является близким к понятию *governance*, которое также пока не имеет общепринятого перевода на русский язык (одним из вариантов перевода является «управление без управляющих»). Понимаемая таким образом публичная политика может быть описана как процесс подготовки, обсуждения, принятия и реализации властных решений, направленных на решение важных для государства и общества проблем, в котором на многих этапах активное участие, наряду собственно с властными структурами, принимают и иные акторы поля публичной политики – различные неправительственные организации, бизнес-структуры и бизнес-ассоциации, СМИ, академическое сообщество и другие.

Номер открывается статьей профессора Открытого университета (Великобритания) Джона Кларка, в которой он анализирует современные процессы формирования публичной политики в современной Великобритании, соотношения роли государственных структур, частной инициативы и частных фирм, а также организации «третьего сектора» – неприбыльных некоммерческих

организаций. Подчеркнем то, что сам перевод названия этой статьи – «За рамками государственного и частного» (английский вариант *Beyond public and private*) отражает сложности с переводом термина *public* – переводчики решили использовать термин «государственное» для противопоставления источников финансирования различных направлений социальной (в широком смысле этого слова) политики. Вместе с тем в статье идет речь и о процессах включения потребителей услуг в процессы принятия решений, поэтому читателям при чтении этой очень интересной статьи стоит помнить, что в оригинале вместе термина «государственный» используется термин «public».

Статья Елены Ивановой посвящена связанным с современным Интернет аспектам развития публичной сферы – понятия, без которого невозможна подлинно публичная политика и интерес к изучению которого возник, прежде всего, благодаря идеям Ю. Хабермаса. Активное участие в Интернет-дискуссиях, блогах и иных формах стало в последнее время актуально не только для публичных интеллектуалов, но и для таких политиков, как, например, президент РФ Д.А. Медведев. В тексте Александра Сунгурова и Романа Бояркова на примере региональной программы развития толерантности рассматривается проблема участия в подготовке и реализации такой программы как представителей академического сообщества, так и гражданских организаций, непосредственно вовлеченных в проблемы нетолерантного отношения к иным.

В статьях Надежды Радиной и Михаила Горного с двух различных точек зрения рассматривается взаимодействие одного из важнейших акторов процесса становления публичной политики в современной России – неправительственных общественных организаций. В первой из них поднимается, в частности, проблема создания усилиями части властных структур так называемых GONGO – квазиобщественных организаций, вытесняющих из поля публичной политики участников реальных гражданских инициатив, а также организаций-«грантоедов», успешно осваивающих средства грантов без какой-либо общественной пользы. Во второй статье, посвященной сравнительному анализу законодательства, регулирующего взаимодействие НКО и власти, автор указывает на реальную опасность сведения всех форм этого взаимодействия (включающих сегодня и гражданский контроль, и гражданские инициативы по совершенствованию самих государственных структур) к исключительно финансовой поддержке со стороны государства социально-ориентированных НКО.

Текст Светланы Мареевой посвящен не столько акторам публичной политики, сколько ее адресатам – дискуссиям вокруг понятия «бедных» как социальной группы. Заключительная статья этого номера, представленная Олесей Долидович и Татьяной Катциной, знакомит читателей с раннеревOLUTIONНЫМ, «романтическим» периодом формирования советской социальной политики, когда в старую устоявшуюся царскую систему принятия решений на уровне министерств и ведомств вторгалась молодая революционная инициатива Александры Коллонтай и ее сподвижников. Этот интересный и познавательный текст было бы крайне интересно сопоставить с аналогичными процессами начала 1990-х годов, когда молодые российские реформаторы вторгались в устоявшиеся ведомства советской социальной политики.

*От редакции
Александр Сунгуров*